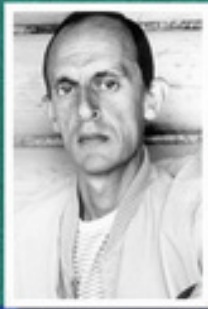

Стивен Бене

Кровь мучеников

Перевод с английского
Виктора Гольшева

ФТМ

Стивен Бене
Кровь мучеников

«ФТМ»

Бене С. В.

Кровь мучеников / С. В. Бене — «ФТМ»,

«Человек, ожидавший расстрела, лежал с открытыми глазами и смотрел в левый верхний угол камеры. Последний раз его били довольно давно, и теперь за ним могли прийти когда угодно. В углу под потолком было желтое пятно; сперва оно ему нравилось, потом перестало; а теперь вот опять начало нравиться. В очках он видел его яснее, но очки он надевал только по особым случаям: с утра, проснувшись; когда приносили еду; для бесед с генералом. Несколько месяцев назад во время одного избиения линзы треснули и подолгу носить очки он не мог – уставали глаза. К счастью, в его нынешней жизни ясное зрение требовалось редко. Тем не менее поломка очков беспокоила его, как беспокоит всех близоруких. Проснувшись утром, ты надеваешь очки, и все в мире становится на место; если этого не происходит, с миром что-то неладно...»

Стивен Винсент Бене

Кровь мучеников

Человек, ожидавший расстрела, лежал с открытыми глазами и смотрел в левый верхний угол камеры. Последний раз его били довольно давно, и теперь за ним могли прийти когда угодно. В углу под потолком было желтое пятно; сперва оно ему нравилось, потом перестало; а теперь вот опять начало нравиться.

В очках он видел его яснее, но очки он надевал только по особым случаям: с утра, проснувшись; когда приносили еду; для бесед с генералом. Несколько месяцев назад во время одного избиения линзы треснули и подолгу носить очки он не мог – уставали глаза. К счастью, в его нынешней жизни ясное зрение требовалось редко. Тем не менее поломка очков беспокоила его, как беспокоит всех близоруких. Проснувшись утром, ты надеваешь очки, и все в мире становится на место; если этого не происходит, с миром что-то неладно.

Заключенный не особенно доверял символам, но самый страшный его кошмар стал неотступным: вдруг ни с того ни с сего от линзы отваливается большой осколок, и он ощупью ищет его по всей камере. Шарит в темноте часами, тщательно и осторожно, но кончается всегда одним и тем же – тихим внятным хрустом незаменимого стекла под каблуком или коленом. Он просыпался в поту, с ледяными руками. Этот сон чередовался с другим, где его расстреливали, но большого облегчения от такой перемены он не испытывал.

Видно было, что у лежащего умная голова, голова мыслителя или ученого – старая, лысая, с высоким куполом лба. Голова, вообще говоря, была весьма известная: она часто появлялась в газетах и журналах, нередко даже напечатанных на языке, которым профессор Мальциус не владел. Тело, согнутое и изношенное, было все еще жилистым крестьянским телом, способным долго выносить грубое обращение; тюремщики его в этом убедились. Зубов у него стало меньше, чем до тюрьмы, колена и ребра срослись неудачно, но это было не так уж важно. Кроме того, он подозревал, что у него плохо с кровью. Тем не менее, если бы он вышел на волю и лег в хорошую больницу, его бы, наверно, хватило еще лет на десять работы. Но на волю он, конечно, не выйдет. Его расстреляют до этого, и все будет кончено.

Иногда его охватывало сильное желание, чтобы все кончилось – сегодня, сию минуту; а иногда он дрожал от слепого страха перед смертью. Со страхом он боролся так же, как боролся бы с приступом малярии – понимая, что это только приступ, – но не всегда успешно. Он должен был справляться с этим лучше большинства людей, ведь он – Грегор Мальциус, ученый; но это не всегда удавалось. Страх смерти не отпускает, даже когда его квалифицируешь как чисто физическую реакцию. Выйдя отсюда, он мог бы написать весьма содержательную статью о страхе смерти. Да и здесь смог бы, если бы дали письменные принадлежности; но просить об этом бесполезно. Один раз их дали, и он провел два дня вполне счастливо. А потом работу разорвали у него на глазах и оплевали. Выходка, конечно, ребяческая, но охоту работать отбивает.

Странно, что он ни разу не видел, как стреляют в человека, – и тем не менее он этого не видел. Во время войны научные заслуги и плохое зрение избавили его от фронта. Когда их запасной батальон охранял железнодорожный мост, он два раза попадал под бомбежку – но это совсем другое дело. Ты не прикован к своей позиции, и самолеты не пытаются убить тебя лично. Где этим занимаются в тюрьме, он, конечно, знал. Но заключенные не видят расстрелов – только слышат, если ветер с той стороны. Снова и снова пробовал он вообразить, как это будет, но перед глазами вставала старинная гравюра, виденная в детстве, – казнь американского флибустьера Уильяма Уокера в Гондурасе. Уильям Уокер был бледный низкорослый человек с наполеоновским лицом. Очень корректно одетый, он стоял перед свежесрытой могилой, а перед ним в неровном строю туземцы поднимали свои мушкеты. Когда его

застрелят, он аккуратно упадет в могилу, как человек, провалившийся в люк; опрятность процедуры произвела большое впечатление на мальчика Грегора Мальциуса. За стеной виднелись пальмы, а где-то справа – теплое синее Карибское море. Его будут расстреливать совсем не так; и однако, когда он думал об этом, картина ему рисовалась именно такая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.